163

Захарова Александра 02.96

В десятку!

Оставив машину у подъезда, она вошла в театр за пять минут до назначенного времени: "Кажется, я не опоздала? Ну, что, пойдем в бар?"
Если вы думаете, что мы спокойненько сели за чашечкой кофе и премило побеседовали, то очень ошибаетесь.
В баре, который теперь стал рестораном, нам предложили сдать одежду в гардероб. Александра желания такого не изъявила и, поспорив с хозяевами, удалилась.

Фотограф Валерий Плотников

Собеседник. — 1996. — № 7. — С. 10

Александра Захарова: Хочу ребенка

— Александра Марковна, я слышала, что вы никогда не спорите с режиссерами, особенно с Марком Анатольевичем Захаровым. Вы верите им или не доверяете себе?
— Себе я не всегда доверяю. Но на Марка Анатольевича полагаюсь вполне. Я ведь не очень избалована режиссерами. Первая моя роль — Офелия — была у Г. А. Панфилова. Спорить было глупо, это значило бы работать против себя. Да и потом я попала в такую компанию, где Гамлетом был О. И. Янковский, Клавдием — А. В. Збруев, Лаэртом — А. Г. Абдулов, королевой — И. М. Чурикова. И тут я...
— Пришла Сашенька Захарова и устроила скандал.
— Ну, нет, неправда. Сегодня этот был первый.
— А ведь, казалось бы, чего проще — поспорить с папой?
— Сказать: "Папа, ты не прав!" — а потом окажется, что он все-таки прав. Дома отношения, конечно, сложнее.
— "Стенка на стенку"? Вы ведь теперь в другую квартиру переехали, стали независимой.
— Я очень люблю своих родителей, но как можно быть независимой? Если человек кого-то любит, он не может быть независимым. А серьезных конфликтов у нас не бывает.
— Зависимость — постольку, поскольку вы их дочь?
— Честно? Конечно, материально завишу. Неужели вы думаете, что на зарплату актрисы можно прожить? Приходится быть зависимой. Я бы никогда в жизни сама не купила машину. У меня старая разбитая "семерка". Покупала новую, но уже успела ухандокать. Так что я "старенькой" своею горжусь, потому что на нее, тьфу-тьфу, никто не покушается. Она никому не нужна.
— А в детстве вы часто своих театральных родителей видели? Или больше по бабушкам мотались?
— Все детство я проторчала за кулисами: папа работал в Театре сатиры режиссером, мама — в Театре миниатюр, я была с ней и лет с шести уже помогала бутафорам выносить на сцену какие-то вещи. Был случай: я, как всегда, стояла за кулисами, смотрела. На сцене — скандал между мужем и женой, кто-то кинул букет цветов, которые не долетели до адресата. Я вышла на сцену, взяла цветы (нужно же их кому-то уносить), в зале засмеялись. Я поклонилась, вдруг слышу аплодисменты. Конечно, не соображала, что происходит. А у артистов от ужаса вытянулись лица!
— Потом вы закончили "Щуку" и пришли к папе, под крылышко. Ведь вас звали в другие театры? Были уверены, что Марк Анатольевич в обиду не даст?
— Нет, уверенности в этом у меня не было. С ним заранее ничего невозможно знать. И потом, в театре то я не играла главные роли, несколько лет провела в массовках, и довольно много пережила, и писала заявления...
— Что еще за заявления?
— Когда в одной из массовок мне случайно ударили по башке деревянной скамейкой, я просто зарыдала, потому что было действительно больно. Я пошла и написала заявление об уходе: "Все, большое спасибо, меня звали в другие театры. Я пойду". Думаю, меня бы взяли...
— Марк Анатольевич прочитал заявление и...
— ...вывел меня из массовки спектакля "Тиль". Но в других массовках я осталась...
— Как сейчас к вам относятся старшие коллеги, особенно когда вы играете вдвоем с мужем? В свое время одна из газет даже заметку опубликовала под названием "Чайка по-семейному".
— А вы не знаете, что мы с Владимиром Александровичем в разводе? И, кстати, Тригорина в "Чайке" играет Олег Иванович Янковский.
— А почему вы, если не секрет, разошлись? Вроде бы Александра Захарова не злобный, не завистливый человек...

> **Когда меня ударили по башке деревянной скамейкой, я зарыдала и написала заявление об уходе...**

— Я разный человек. Во мне много всего намешано. Бывают вспышки, но я действительно не завистлива. Говорят, у женщины есть два сильных чувства: материнство — ради ребенка женщина может совершить все, и зависть, которая сжигает. Думаю, какой я человек, покажет мое лицо. Кажется, Моруа сказал, что к сорока годам каждый сам отвечает за свое лицо.
— Вы не любите говорить о личной жизни?
— О Владимире Александровиче? Да я уже говорила: он оказался настолько высоконравственным, тонким, честным, добрым человеком, что я ощутила себя недостойной его. Больше я ничего добавить не могу.
— Вы способны представить ситуацию, когда Марк Анатольевич может выгнать вас из театра?
— Конечно. И я думаю, что это относится ко всем. Хотя как раз ко мне у него отношение более предвзятое, но и более внимательное. Если кто-то срывает спектакль, если что-то происходит в театре... Человек может не прийти на спектакль, если только он попал в катастрофу или в больницу. Но вот Инна Михайловна Чурикова недавно попала в автокатастрофу (они ехали с Глебом Анатольевичем Панфиловым на машине, в них врезалась другая машина)... Она пришла совершенно в невменяемом состоянии, вызывали "скорую": был сильный удар, проверяли, целы ли ребра, в порядке ли легкие и т.д. И после этого она играла в "Чайке". Так же, как играл Леонид Сергеевич Броневой с жутким гриппом и температурой 39, хотя ему можно было взять больничный...
— Как вы думаете, внимание, прикованное к вам журналистами и критиками, вызвано прежде всего тем, что вы дочь Марка Захарова, или вы и сами чего-то стоите?
— А у меня нет комплекса, что я его дочь. Но нет и такого, что вот я — Саша Захарова и существую сама по себе. Я его продолжение и, может быть, самое лучшее его произведение. По крайней мере, когда меня ругают, то ругают отдельно от него. А отрицательные эмоции иногда помогают. Если бы все было гладко у музыканта Владимира Спивакова, я не думаю, что он стал бы музыкантом Спиваковым. И если бы в свое время Марка Анатольевича не выгоняли, и не требовали, чтобы он уехал за 101-й километр города Москвы, и не закрыли бы спектакль "Доходное место", он не был бы Марком Захаровым.
— Вы суеверная?
— Все артисты суеверные. Я верю во все, но вот странная вещь: у меня есть кольцо, которое мне подарила мама, когда мне было 16 лет. Не Бог весть какое, но я знала: надену — и все будет хорошо. Я надевала его на каждый спектакль "Женитьба Фигаро" и "Гамлет", а один раз забыла. Испугалась жутко. Тем не менее "Женитьба Фигаро" прошла абсолютно нормально. Я знаю, что Александр Викторович Збруев, когда идет на сцену, обстукивает все деревяшки. Это знает весь театр. Я пока по деревяшкам не стучу, но Леонид Сергеевич Броневой мне как-то сказал: "Ой, Санька, у тебя тоже есть тараканчики". "Есть", — говорю. "Ну, ничего, доживешь до моего возраста, они будут большими, жирненькими и с усиками".
— Вы фанатично преданы своей работе? Или есть что-то, ради чего вы могли бы бросить ее?
— Я очень хочу иметь ребенка и надеюсь, что он будет... Если этого потребует мой ребенок или, не дай Бог, что случится с моими близкими... Я не знаю, что будет. Я фаталист, верю в судьбу, потому что не нами эта книга пишется. Но вообще я — наркоман. В цирке говорят — понюхал опилки. Я понюхала кулисы. И если меня сейчас позовет работать молодой неизвестный режиссер — я, конечно, сразу соглашусь.
— Вы в жизни послушная или все-таки капризная?
— В кино я очень послушная. И, кстати, мне это в свое время помешало. В фильме "Дом, который построил Свифт" я уж так старалась, так мне хотелось изо всей дурацкой мочи выполнить все, что говорил отец, только бы понравиться, что потом, когда я посмотрела себя на экране, то ужаснулась: какой писклявый, гадкий голос!.. А в жизни — нет, непослушная. Папа мне говорил: не снимайся в "Криминальном таланте" — я поехала. Говорил: нехорошо, если дочь будет говорить об отце в передаче "Мое кино" — а я все равно пошла.
— А какая вы, на ваш собственный взгляд?
— Мне нравится этот вопрос: ну, я такая высокая, у меня черные волосы, длинная коса, карие глаза...
— Ну, а готовить любите?
— Ненавижу. Стараюсь покупать овощи, фрукты. Но чтобы сварить борщ?! Знаете, у меня вкус такой — я очень люблю макароны, спагетти, и иногда позволяю себе это, закрывшись дома одна. Потом с ужасом смотрю на лицо и жду, когда оно расплывется в разные стороны. Очень люблю все то, что неполезно. И замечательно себя чувствую.
— Стало быть, про фирменное блюдо у вас лучше не спрашивать?
— Нет, если надо картошку пожарить, покупаю мороженую в пакетах. Ее чистить, резать не надо, она уже готовая. У меня нет культа еды.
— А какой культ есть?
— Театра.
— Театр заслоняет все на свете?
— Книжки стараюсь читать. Тут читала "Суворова", Бунича "Полиглот сатаны". Или открываю с остервенением Бунина... Могу начать читать Соловьева... А иногда беру какой-нибудь дурной роман, чтобы заснуть, потому что если ночью начинаешь думать о театре, то заснуть невозможно. Раньше у меня была психотерапия — думала о косметике и очень быстро засыпала. Надо же о какой-нибудь ерунде думать. А тут — ужас! Я подумала: хорошо бы, наверное, какие-нибудь карандашики для глаз купить. И вдруг поняла, что у меня все есть из косметики. И тогда пришлось принимать снотворное.

Прощаясь, Александра Марковна извинилась передо мной за "перепалку" в ресторане. "Да ну, что вы, не стоит", — пыталась я сыграть в "маниловщину", а Сашенька продолжила: "Пойти, что ли, извиниться перед ними? Неудобно. А то ведь знаете, какие теперь слухи поползут: "Пришла Саша Захарова, устроила скандал..."

Беседовала
Татьяна НЕМОЙКИНА.